

УДК: 167.7

DOI:

10.15372/PS20200405

А.А. Шевченко

ПОНИМАНИЕ БЕЗ ОБЪЯСНЕНИЯ: О ВАЖНОСТИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

В статье рассматриваются варианты соотношения ключевых понятий в философии науки и эпистемологии – понимания и объяснения. Особое внимание уделено попытке ряда современных исследователей обосновать возможность альтернативных способов достижения понимания, не основанных на стандартных объяснительных моделях. Выделены контексты, наиболее перспективные для такой работы. Обоснована перспективность данного подхода, особенно при работе с объектами и процессами, обусловленными большим количеством возможных каузальных воздействий, а также в ситуациях, в которых понимание может быть продемонстрировано посредством решения конкретных задач в заданном контексте.

Ключевые слова: объяснительные модели; пропозициональное знание; каузальность; рациональность; субъект понимания; интеллектуальные добродетели

A.A. Shevchenko

UNDERSTANDING WITHOUT EXPLANATION: ON THE IMPORTANCE OF ONE DISCUSSION

The article considers some possible correlations of two of the key concepts in the philosophy of science and contemporary epistemology – those of understanding and explanation. Special attention is paid to an attempt of a number of modern researchers to justify alternative ways to get understanding, which are not based on standard explanatory models. The most promising contexts for this kind of work are highlighted. The author gives proof of the advantages of this approach, especially when working with objects and processes influenced by a complex network of causal forces, as well as in practical problem-solving contexts where understanding is not propositional but is a matter of skill.

Keywords: explanatory models; propositional knowledge; causality; rationality; subject of understanding; intellectual virtues

Понятие «научная картина мира» как минимум предполагает возможность того или иного понимания окружающей нас действительности. Такое понимание (и как процесс, и как результат) трактовалось по-разному. Сама возможность понимания могла связываться, например,

© Шевченко А.А., 2020

с созданием механических моделей – именно в этом видел задачу ученого физик У. Томсон (лорд Кельвин) независимо от того, какова природа исследуемых явлений. «Мне кажется, – писал он, – что когда мы спрашиваем себя, понимаем ли мы, или не понимаем соответственной физической проблемы, то смысл этого вопроса таков: в состоянии ли мы построить соответственную механическую модель» (цит. по: [1, с. 85]). При этом наличие или отсутствие понимания подразумевает и соответствующее отношение к знанию. Если желаемая модель не может быть построена, то не может быть достигнуто и понимание, а вместо знания приходится довольствоваться верой. «Когда я могу построить механическую модель, – писал ученый далее, – я понимаю; когда же я не в состоянии построить соответственную механическую модель, я не понимаю; и по этой причине я не понимаю электромагнитной теории света. Я твердо верю в электромагнитную теорию света» (цит. по: [1, с. 86]).

Для продолжения разговора о понимании в философии науки, в частности об отношении между пониманием и знанием, полезно провести параллель с процессами, происходящими в современной эпистемологии. Традиционно центральной категорией эпистемологии считалось, да и продолжает считаться знание (*episteme*). Однако в силу ряда причин, в том числе из-за проблем, вызванных так называемой «проблемой Геттиера», высокий статус знания как главной цели и ценности познания стал подвергаться некоторому сомнению. Например, видный эпистемолог Л. Загзебски, основываясь на современных исследованиях платоновских текстов, предложила трактовать *episteme* уже не как знание, а как понимание [10]. Общим же аргументом в пользу смещения интереса в эпистемологии к проблемам понимания стало предположение о том, что конечной целью познавательных усилий исследователя является все же не «обоснованное истинное мнение», а понимание окружающей действительности и овладение способами взаимодействия с ней.

Если говорить о философии науки, то и здесь мы видим растущий интерес к проблемам и механизмам понимания в целом, и прежде всего интерес к переосмыслению отношений между пониманием и объяснением в науке [8]. Это вполне ожидаемо, так как понимание в науке традиционно принято связывать с возможностью объяснения. Э. Шредингер в Шермановских лекциях выразил это так: «Каковы своеобразные особые черты нашей научной картины мира? Относительно одной из этих основных особенностей не может возникнуть сомнений. Это гипотеза о том, что проявление Природы может быть понято. В этой свя-

зи следовало бы обсудить вопросы: что на самом деле означает постижимость и в каком смысле... наука дает объяснения» [3, с. 73].

Новый этап философского интереса к объяснению принято отсчитывать с 1948 г. благодаря предложенной К. Гемпелем и П. Оппенгеймом номологической объяснительной модели и после дискуссии К. Гемпеля с У. Дреем. Эта логическая модель объяснения представляла собой применение общей гипотетико-дедуктивной схемы и положила начало продолжающейся и в наши дни дискуссии о типах и видах объяснений, о специфике их применения в естественных и гуманитарных науках. Здесь мы не будем вдаваться в обсуждение знаменитой дискуссии между К. Гемпелем и У. Дреем о специфике «охватывающих законов» и рациональных объяснений и тем более в обсуждение классической дискуссии о понимании как специфическом методе «наука о духе», начатой В. Дильтеем. Противопоставление объяснения и понимания имеет долгую историю, и кроме научных аспектов здесь присутствует и научно-политический: это противопоставление часто было способом, с помощью которого представители гуманитарных наук пытались отстоять свой научный и методологический суверенитет.

Предмет нашего рассмотрения – претензии объяснения на центральное место в методологии научного познания, во всяком случае в современных работах по философии науки, где объяснение продолжает занимать гораздо более видное место, чем понимание. Причин этого может быть несколько. Первая – это методологическая инерция, и прежде всего имеющий крепкие корни позитивистский настрой. В отличие от объяснения понимание сразу же предполагает наличие субъекта понимания, что требует учета множества психологических и субъективных факторов. Хотя сам К. Гемпель и признавал, что дедуктивно-номологическая объяснительная модель может способствовать пониманию причин того или иного события, что «при наличии определенных обстоятельств и соответствующих законов эта модель позволяет нам *ожидать* наступления события, в этом смысле объяснение позволяет нам *понять* почему это событие произошло» [5, р. 337], однако он весьма неохотно говорил о понимании, обосновывая это тем, что такие термины, как «понимание» или «постижение», не входят в словарь логики, а относятся к психологическим или прагматическим аспектам объяснения [5, р. 413]. Заметим, что в основном в дискуссиях говорится именно о таком виде понимания – о понимании того, *почему* имело место то или иное событие, т.е. о понимании причин событий и процессов, или же о понимании того, как, каким образом нечто случилось, в отличие от объектного понимания. Объ-

ектное понимание можно определить как понимание объекта в целом, это своего рода холистическое понимание «*S* понимает *P* (в целом)», в то время как пропозициональное понимание имеет вид «я понимаю, что *P*».

Второй и, возможно, основной причиной традиционно меньшей популярности понимания по сравнению с объяснением является возможность представления последнего в привычной и удобной пропозициональной форме, которая позволяет явно выделять эксплананс и экспланандум, реконструировать тезис и аргументы, оценивать их на истинность и ложность. Казалось бы, такому удобному методологическому средству вряд ли что-то может всерьез угрожать. Тем неожиданнее прозвучал тезис о возможности вообще обойтись без объяснения или во всяком случае радикально пересмотреть его роль и статус. Этот своеобразный «методологический бунт» поднял П. Липтон в опубликованной уже посмертно статье с провокационным названием «Понимание без объяснения» [7]. Центральная мысль этой статьи состоит в том, что несмотря на традиционно тесную связь понимания и объяснения, доходящую до редукции первого ко второму, понимание как эпистемическое достижение более высокого уровня вполне может обойтись вообще без какой-либо объяснительной процедуры.

Историк и философ науки Липтон начинает свою аргументацию с фиксации известного разрыва между знанием и пониманием. Мы можем знать некоторый факт об окружающем мире, но не понимать его причин. Роль объяснения как раз и состоит в преодолении этого разрыва. При этом Липтон предлагает считать и знание, и понимание «когнитивными достижениями», и для него очевидно, что понимание – достижение более высокого порядка. Вопрос, таким образом, следующий: что дает нам объяснение, какие когнитивные преимущества, позволяющие совершить этот важный шаг – от знания к пониманию?

Липтон выделяет четыре вида таких преимуществ. Это может быть: 1) знание причин, вызвавших то или иное событие; 2) знание о том, что событие случилось с необходимостью; 3) знание о том, что реализовалась возможность наступления события; 4) знание об «унификации», о том, что явление или событие вписываются в какую-то более общую объяснительную схему или картину мира [7, р. 13]. При этом он полагает, что для нас как для познающих субъектов, важно не само объяснение в его совершенной логической или какой-то иной форме, а именно те когнитивные преимущества, которые оно нам дает. Отсюда напрашивается вопрос: могут ли эти когнитивные преимущества, которые мы обычно связываем с объяснением, быть получены

иным путем, без помощи объяснения? В каких познавательных ситуациях мы можем рассчитывать, что таким образом достигнем понимания? В качестве примеров возможности такого понимания без объяснения Липтон приводит несколько ситуаций. Так, образы, визуальные модели (например, модель Солнечной системы) и манипуляции с ними позволяют нам понять, как устроен объект познания. Это также позволяет нам получить знание о причинах, хотя здесь знание будет неявным в отличие от эксплицитного пропозиционального знания, представленного в объяснениях [7, р. 44–46].

Однако возможно и получение явной информации, также помогающей преодолеть разрыв между знанием и пониманием, при этом для получения такой информации мы тоже не нуждаемся в объяснении. Это, например, логические операции: так, дедуктивные умозаключения позволяют получить дополнительное и даже пропозициональное знание о необходимости некоторого события. Мысленные эксперименты, даже содержащие некорректные предположения, могут позволить нам получить знание о «возможных мирах», опять же не требуя прибегать к помощи объяснения, но способствуя пониманию диапазона возможных действий. Получить неявное знание о единстве мира помогут аналогии, также не содержащие объяснений [7, р. 46–52]. Понимание мира как единого целого, способность за разнообразием отдельных явлений увидеть некоторое единое целое можно считать важным когнитивным достижением и шагом на пути к более глубокому пониманию. Пример здесь Липтон приводит довольно неожиданный – функционирование «нормальной науки», описанное Т. Куном, когда за внешним разнообразием индивидуальных действий отдельных ученых мы можем усмотреть объединяющие парадигмальные характеристики, определяющие развитие научного знания на некотором этапе.

Таким образом, помимо понимания, связанного со знанием причин, осознанием причинно-следственных связей, есть и другие его виды и способы. Действительно, значительная часть эмпирических исследований, способствующих пониманию, состоит в действиях по получению информации, таких как наблюдение, эксперимент, манипуляции с объектами и логическими операциями.

Конечно, такой вызов не мог остаться без ответа. Среди множества откликов в защиту традиционной исследовательской методологии, в которой центральным компонентом остается объяснение, выделим подход американского философа К. Халифы. В ряде публикаций он отстаивает позицию, которую называет «объяснительным идеализ-

мом». Важная исходная посылка подхода Халифы – относительность понимания: оно может быть большим или меньшим, мы можем понимать лучше или хуже. Главная же идея объяснительного идеализма состоит в том, что даже если мы согласимся с оппонентами относительно возможности каких-то эпистемических или эвристических процедур, которые позволяли бы достичь «понимания без объяснения», то соответствующие объяснительные процедуры все равно обеспечивают лучший результат, они позволяют достичь понимания более глубокого или более полного, в любом случае – более качественного в том или ином отношении. Это положение Халифа формулирует в виде «тезиса о превосходящем объяснении» (Superior Explanation Thesis, SET), согласно которому для любого способа понимания без объяснения существует корректное и достаточно хорошее объяснение – такое, что это понимание без объяснения всегда будет представлять собой частный случай понимания, которое могло бы быть достигнуто посредством знания, полученного с помощью объяснения [6, p. 169].

При этом знание, полученное посредством объяснения, имеет, таким образом, наиболее высокий статус. Сама характеристика подхода как объяснительного идеализма предполагает и то, что в его рамках правильно выполненное и истинное объяснение по определению будет когнитивным достижением самого высокого уровня. Полемизируя с П. Липтоном, К. Халифа пытается найти неявный круг в предпосылках оппонента. Он указывает на то, что пытаясь обосновать возможность получения когнитивных преимуществ, не уступающих тем, которые дает нам объяснение, Липтон тем самым неявно признает тот факт, что в его схеме рассуждения объяснение вопреки его намерениям, по сути дела, играет роль познавательного эталона, с которым он вынужден сравнивать альтернативные способы получения искомым когнитивных преимуществ. Понятно при этом, что любому принятому эталону по определению очень нелегко соответствовать.

Однако приписывание объяснению роли познавательного эталона, в свою очередь, делает его весьма уязвимым для критики, в частности для критики «геттиеровского» типа, когда истинность и обоснованность мнения оказываются необходимыми, но не достаточными условиями для превращения этого мнения в знание. Таким образом, один из аргументов здесь может состоять в том, что под необходимостью объяснения для понимания нужно иметь в виду не просто некоторую объяснительную процедуру, а объяснение как когнитивное достижение, по своим параметрам весьма напоминающее знание, с соответствующими

проблемами для всех частей формулы – мнения, обоснования и истины. Усилить позицию могли бы дополнения, предлагаемые в эпистемологии добродетелей, в частности формулировки дополнительных требований как к процессу познания (в плане повышения его надежности), так и к субъекту познания (в части наделения его интеллектуальными добродетелями, такими как честность, принципиальность, открытость и т.д.), но пока непохоже, что сторонники объяснительного идеализма готовы идти по этому пути, так как любой идеализм не слишком хорошо согласуется с какими-либо уступками и дополнениями.

При этом ради справедливости нужно отметить, что тезис (превосходящего объяснения) Халифы отличается от крайней и самой радикальной позиции, согласно которой понимание без объяснения вообще невозможно. Ее сторонники могут признавать, что мы можем вполне искренне говорить о понимании без объяснения, но это всегда будет признаком ложного ощущения, своего рода «ошибочной феноменологией», о подлинном же понимании можно говорить лишь в тех случаях, когда у нас имеется объяснение, причем правильное по форме и истинное по содержанию.

Предпринятая П. Липманом попытка «бунта» против объяснения в науке и ответы его оппонентов вызвали весьма оживленную дискуссию. Нам кажется, что здесь вряд ли уместно занимать какую-то категоричную позицию: сильные аргументы в споре есть у обеих сторон, и подобные дискуссии ценны тем, что позволяют лучше понять преимущества и недостатки определенной методологии познания. Но все же нам представляется, что попытка подвергнуть сомнению статус научного объяснения как некой «священной коровы» заслуживает пристального интереса и в любом случае – доброжелательной симпатии. В то же время обращает на себя внимание то, что аргументация К. Халифы и сторонников объяснительного идеализма носит скорее схоластический характер, когда они пытаются в первую очередь указать на методологические противоречия у оппонентов (неявное признание объяснения как эталона).

Кроме того, можно отметить еще два слабых пункта у защитников объяснительного подхода. Во-первых, они предпочитают игнорировать сложные случаи, когда событие может быть вызвано множеством причин и/или их случайным взаимодействием, что весьма затрудняет установление факторов, реально определяющих наступление события или его развитие. В качестве одного из примеров можно привести трудности с пониманием природы такого явления, как инфляция, не говоря уже о научном понимании самых разных социаль-

ных процессов. Такое понимание требует уже не только пропозиционального понимания, «понимания-что», но и соответствующего опыта, способности предвидения, навыков оценки конкретных и разнообразных социальных контекстов.

Во-вторых, серьезным ограничением объяснительного подхода можно считать, таким образом, игнорирование или недостаточное внимание к пониманию, которое может быть продемонстрировано на практике в виде некоторого навыка при помощи знания о том, как систематически решать ту или иную проблему. Такое понимание может среди прочего потребовать и создания моделей, о чем уже говорилось выше, и самых разных практических решений. Здесь нельзя не вспомнить классический, но, возможно, уже подзабытый пример Ф. Энгельса с ализарином, когда понимание мы демонстрируем на практике, в эксперименте, превращая «вещь в себе» в «вещь для нас». «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой "вещи в себе" приходит конец» [4, с. 284].

Важно отметить, что в обсуждениях понимания и объяснения речь идет по преимуществу об объяснениях каузального типа [9]. Предложенные П. Липтоном варианты «ухода» от объяснений также ориентированы в первую очередь именно на них. Однако за последние десятилетия было описано множество различных типов объяснения в зависимости от содержания эксплананса и характера экспланандума, в том числе и такие, которые, как неоднократно отмечалось, было бы затруднительно свести к какой-либо общей схеме, в частности к той, которая ориентируется на идею «объяснить – значит подвести частный случай под общий закон» [2, с. 259]. Это утверждение А.Ю. Цофнас иллюстрирует с помощью следующего (предварительного) перечня: 1) дедуктивно-номологическое объяснение; 2) теориологическое объяснение – указание смысла и значения отношений между фактами (событиями, данными и т.п.) с точки зрения определенной теории; 3) фактологическое объяснение; 4) редукционистское объяснение; 5) генетическое объяснение; 6) причинное объяснение; 7) структурное объяснение; 8) функциональное объяснение; 9) телеологическое (интенциональное) объяснение; 10) индикаторное объяснение – указание основания явления через отношение некоторого индикатора; 11) модельное объяснение; 12) классификационное объяснение; 13) рациональное объяснение; 14) рамочное объяснение [2, с. 260–261].

При этом А.Ю. Цофнас делает два важных для нашего обсуждения замечания, которые сам он называет тривиальными. Во-первых, в отличие от многозначного «понимания» «объяснение» практически всегда указывает лишь на некоторый исследовательский процесс или процедуру. Причем «любая попытка что-то сказать о результате данного процесса указывает уже на определенное понимание объясняемого объекта. Во-вторых, на какую бы форму объяснения ни обратил внимание методолог, каждый раз производится одна и та же операция – операция подведения непонятого (а понятное незачем и объяснять) под что-то понятное» [2, с. 261–262]. Оба этих тривиальных наблюдения могут служить дополнительными свидетельствами в пользу приоритетности понимания над объяснением и в качестве инструмента, и в качестве конечной цели научного исследования.

Эта дискуссия о соотношении объяснения и понимания в философии науки и эпистемологии представляется весьма важной, так как речь в ней идет о центральных категориях, активно используемых в настоящее время в обеих областях. Перенос акцента на понимание открывает новые возможности для взаимодействия этих двух разделов философского знания, а также возвращает в пространство обсуждения субъекта понимания, заставляя среди прочего формулировать определенные требования в отношении его интеллектуальных добродетелей и ограничений.

Литература

1. Дюгем П. Физическая теория: ее цель и строение. – М.: URSS, 2019.
2. Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания. – Одесса: АстроПринт, 1999.
3. Шредингер Э. Природа и греки. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 21. – С. 269–317.
5. Hempel C.G. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. – N.Y.: Free Press, 1965.
6. Khalifa K. The role of explanation in understanding // The British Journal for the Philosophy of Science. – 2013. – Vol. 64, No. 1. – P. 161–187.
7. Lipton P. Understanding without explanation // Scientific Understanding: Philosophical Perspectives / Ed. by H.W. de Regt, S. Leonelli, K. Eigner. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. – P. 43–63.
8. Regt H.W., de. Understanding and scientific explanation // Scientific Understanding: Philosophical Perspectives / Ed. by H.W. de Regt, S. Leonelli, K. Eigner. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. – P. 21–42.
9. Verreault-Julien P. Understanding does not depend on (causal) explanation // European Journal for Philosophy of Science. – 2019. Vol. 9, NO. – P. 18.

10. *Zagzebski L.* Recovering understanding // Knowledge, Truth and Duty / Ed. by M. Steup. – N.Y.: Oxford University Press, 2001. – P. 235–251.

References

1. *Duhem, P.* (2019). *Phizicheskaya teoriya: ee tsel i stroenie* [The Aim and Structure of Physical Theory]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.).
2. *Schrödinger, E.* (2001). *Priroda i greki* [Nature and the Greeks]. Izhevsk, Scientific Publishing Center "Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika" ["Regular and Chaotic Dynamics"]. (In Russ.).
3. *Tsofnas, A.Yu.* (1999). *Teoriya system i teoriya poznaniya* [System Theory and Epistemology]. Odessa, AstroPrint Publ.
4. *Engels, F.* (1961). *Lyudwig Feyerbakh i konets nemetskoy klassicheskoy filosofii* [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy]. In: Marx, K. & F. Engels. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gospolitizdat Publ. [State Publishing House for Political Literature], Vol. 21, 269–317. (In Russ.).
5. *Hempel, C.G.* (1965). *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science*. New York, Free Press.
6. *Khalifa, K.* (2013). The role of explanation in understanding. *The British Journal for the Philosophy of Science*, 64 (1), 161–187.
7. *Lipton, P.* (2009). Understanding without explanation. In: Regt, H.W., de, S. Leonelli & K. Eigner (Eds.). *Scientific Understanding: Philosophical Perspectives*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 43–63.
8. *Regt, H.W., de.* (2009). Understanding and scientific explanation. In: Regt, H.W., de, S. Leonelli & K. Eigner (Eds.). *Scientific Understanding: Philosophical Perspectives*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 21–42.
9. *Verreault-Julien, P.* (2019.) Understanding does not depend on (causal) explanation. *European Journal for Philosophy of Science*, Vol. 9, No. 2.
10. *Zagzebski, L.* (2001). Recovering understanding. In: Steup, M. (Ed.). *Knowledge, Truth and Duty*. New York, Oxford University Press, 235–251.

Информация об авторе

Шевченко Александр Анатольевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8).

shev@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Shevchenko Aleksandr Anatolyevich – Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia)

shev@philosophy.nsc.ru

Дата поступления 30.11.2020